

ДЭВИД ЮМ

О РЕВНОСТИ В ТОРГОВЛЕ*

***Аннотация:** В этом очерке, входящем в цикл экономических работ Юма, автор излагает основы утилитаристского взгляда на международную торговлю. Он показывает благотворность роста богатства одной нации для богатства других наций и пагубность ревности в торговле и политики, направленной на ослабление и устранение торговых конкурентов.*

***Abstract:** In this essay belonging to the series of economic works of Hume the author presents the foundations of utilitarian view on international trade. He shows the beneficence of increase of wealth in one nation for the wealth of other nations and maleficence of jealousy of trade and of politics intended to weaken and undermine commercial rivals.*

***Ключевые слова:** торговля, ревность, богатство наций.*

***Keywords:** trade, jealousy, wealth of nations.*

Стремясь устранить один вид необоснованной ревности, широко распространенный среди коммерческих наций, неплохо бы упомянуть и другой, по-видимому, столь же беспочвенный. Для государств, достигших некоторых успехов в торговле, нет ничего привычнее, чем поглядывать с подозрительностью на прогресс своих соседей, рассматривать все торгующие государства как своих соперников и считать невозможным, чтобы любое из них могло расцвести иначе, нежели за их счет. В противовес этому узкому и пагубному мнению осмелюсь утверждать, что рост богатства и торговли в любой отдельно взятой нации отнюдь не вредит, а, напротив, обыкновенно способствует богатству и торговле всех ее соседей, и что государство вряд ли сможет развить свою торговлю и промышленность очень далеко, когда все государства вокруг него утопают в невежестве, лени и варварстве.

Очевидно, что домашней промышленности народа не может повредить величайшее процветание его соседей; а так как эта ветвь коммерции в любом обширном королевстве, несомненно, самая важная, то мы далеки от всяких оснований для ревности. Но я пойду дальше и замечу, что там, где между нациями сохраняется открытая коммуникация, она и вовсе невозможна, а домашняя промышленность каждой из них должна получать от улучшений у других только при-

* Перевод сделан по источнику: Hume D. Of the Jealousy of Trade // Hume D. Essays Moral, Political and Literary. L.: Grant Richards, 1904. P. 334-338. Перевод публикуется в авторской редакции переводчика.

рост. Сравним положение Великобритании в наше время с тем, каким оно было два века тому назад. Все искусства — как сельского хозяйства, так и мануфактур — были тогда крайне грубы и несовершенны. Каждое улучшение, которого мы с тех пор достигали, возникало из нашего подражания чужестранцам; и мы до сих пор должны почитать счастьем то, что они прежде достигли подвижений в искусствах и изобретательности. Но эти сношения еще и сейчас поддерживаются к нашей величайшей выгоде; несмотря на передовое состояние наших мануфактур, мы в каждом из искусств каждодневно перенимаем изобретения и усовершенствования своих соседей. Поначалу товар, к величайшему нашему неудовольствию, ввозится из-за рубежа, и мы понимаем, что это опустошает наши карманы; потом, к нашей очевидной пользе, постепенно импортируется само искусство, но мы еще продолжаем сетовать на то, что у наших соседей имеются все искусства, промыслы и изобретения, забывая о том, что если бы они вначале нас не научили, мы по сию пору были бы варварами, и если бы они не продолжали снабжать нас поучительными примерами, то искусства непременно впали бы в вялое состояние и утратили ту соревновательность и ту новизну, которые вносят великий вклад в их совершенствование.

Рост домашней промышленности закладывает фундамент внешней торговли. Там, где производится и совершенствуется большое число товаров для домашнего рынка, всегда найдется какое-то их количество, которое можно с пользой экспортировать. Но если у наших соседей нет никаких искусств, и они ничего не производят, то они не смогут их принять, потому что им нечего будет дать взамен. В этом отношении государства находятся в том же положении, что и индивиды. Отдельный человек вряд ли сможет быть трудолюбивым, когда все его сограждане праздны. Богатство различных членов сообщества вносит вклад в повышение моего богатства, какому бы профессиональному призванию я ни следовал. Они потребляют плоды моего трудолюбия и предоставляют мне в ответ плоды своего.

Ни одному государству не следует опасаться того, что его соседи до такой степени усовершенствуются в каждом искусстве и производстве, что перестанут в чем-либо нуждаться с его стороны. Природа, даровав разным нациям разнообразие гениев, климатов и почв, гарантировала их сношения и торговлю до тех пор, пока все они будут оставаться трудолюбивыми и цивилизованными. Более того. Чем больше в любом государстве развиваются искусства, тем больше оно будет нуждаться в чем-то от своих трудолюбивых соседей. Нарастив богатство и умения, жители желают иметь каждый товар в исключительном совершенстве; и если они располагают обилием товаров, которые можно предоставить взамен, то они будут осуществлять огромные ввозы товаров из каждой зарубежной страны. Промышленность наций, от которых они что-то ввозят, получает при этом содействие; их собственная промышленность тоже растет — за счет продажи товаров, предоставляемых ими взамен.

Но что, если у нации есть какой-нибудь основной товар, как, скажем, шерстяные изделия в Англии? Не должно ли вторжение наших соседей в это производство стать потерей для нас? Отвечу так: когда какой-нибудь товар зовут ос-

новным продуктом королевства, предполагается, что это королевство имеет какие-то особые и естественные преимущества для производства этого товара; и если, вопреки этим преимуществам, оно утрачивает этот промысел, то должно винить в этом собственную лень или плохое правление, а вовсе не трудолюбие своих соседей. Также нужно принять во внимание то, что в силу роста промышленности в соседних нациях потребление каждого конкретного вида товара также возрастает; и хотя зарубежные мануфактуры вторгаются со своим товаром на рынок, спрос на их продукт может все еще сохраняться или даже возрасти. А если бы он сократился, должно ли последствие этого считаться таким уж фатальным? Если дух трудолюбия сохраняется, то он может легко переключиться с одной отрасли на другую, и производители шерсти, например, могут заняться льном, шелком, железом или любыми другими товарами, на которые обнаружится спрос. Мы не должны бояться того, что все предметы производства будут исчерпаны или что наши производители, оставаясь на равных условиях с нашими соседями, окажутся в опасности потерять занятость. Соревнование среди соперничающих наций служит скорее поддержанию жизнеспособности трудолюбия во всех них; и люди, обладающие множеством разных мануфактур, счастливее, чем если бы у них была всего одна большая мануфактура, в которой бы все они были заняты. Их положение менее нестабильно (*precarious*), и они будут не так остро переживать те революции и неопределенности, которым всегда подвержена каждая отдельная область коммерции.

Единственным торговым государством, которое должно страшиться достижений и трудолюбия своих соседей, является такое, как голландское. Голландцы, не имея достаточно обширных земель и не обладая каким-либо числом исконных товаров, процветают только благодаря тому, что служат для других посредниками, агентами и переносчиками. Такой народ может естественным образом опасаться того, что как только соседние государства поймут и станут преследовать свой интерес, они возьмут управление своими делами в свои руки и лишат их посредников той прибыли, которые те прежде с этого пожинали. Но хотя этого последствия можно естественным образом опасаться, ждать его еще очень долго; и с помощью искусства и трудолюбия его можно на много поколений отвести или даже совершенно избежать. Выгода превосходства в складах и сообщениях столь велика, что ее нелегко превзойти; а поскольку с ростом промышленности в соседних государствах количество всевозможных трансакций растет, то даже народ, чья коммерция строится на этом зыбком основании, может поначалу пожинать немалую прибыль от процветания своих соседей. Пуская в оборот все свои доходы, голландцы не придают такого значения, как раньше, политическим сделкам; но их торговля определенно равна той, которая была в середине прошлого века, когда они числились в ряду великих европейских держав.

Если бы наша ограниченная и пагубная политика увенчалась успехом, мы низвели бы все соседствующие с нами нации да того же состояния лени и невежества, какое господствует в Марокко и на Варварийском берегу. Но что бы за этим последовало? Они не могли бы посылать нам никакие товары; они не могли бы ничего у нас взять; наша домашняя торговля зачахла бы из-за недостатка со-

ревнования, примера и обучения; и скоро мы сами впали бы в то же жалкое состояние, до которого низвели их. Поэтому я позволю себе признаться, что не только как человек, но и как британский подданный я молюсь о процветании торговли Германии, Испании, Италии и даже самой Франции. И, по крайней мере, я уверен, что Великобритания, как и все эти нации, расцветет еще больше, если их суверены и министры примут такие расширенные благожелательные чувства по отношению друг к другу.

Примечание

Впервые этот очерк был опубликован в 1758 г. Первый перевод этого очерка на русский язык был сделан М.О. Гершензоном и опубликован (под заголовком «О зависти в торговле») в 1896 г. в сборнике экономических работ Юма. См. репринтное издание: *Юм Д. Опыты: О торговле, деньгах, процентах, налогах*. М.: Либроком, 2018. Предлагается новый перевод. Слово «jealousy» переводится здесь иначе – как «ревность», в том числе с учетом его связи со словом «соревнование».

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 25.03.2022 (№ 2486)